

МЕТАФИЗИКА И МИСТИКА.*)

(Переводъ съ французскаго.)

1. Въ эпохи спекулятивнаго безсилія можно было бы думать, что метафизика отличается, по крайней мѣрѣ, скромностью. Но время, которое не знаетъ ея величія, не знаетъ и ея ничтожества. Ея величіе въ томъ, что она — мудрость. Ея ничтожество въ томъ, что она — человѣческое знаніе. Да, она называетъ Бога. Но называетъ не Его Именемъ. Ибо Бога нельзя описывать, какъ описываютъ дерево, или коническое сѣченіе. Ты — Истинный Богъ, Спаситель Израиля, Ты — Богъ сокрытый. Когда Іаковъ, на зарѣ спросилъ у Нѣкто: «скажи мнѣ имя Твое? Онъ отвѣтилъ: «зачѣмъ ты спрашиваешь о имени Моемъ?»* Нельзя произнести, поистинѣ, чудесное имя это**, вознесенное «надъ всякимъ именемъ не только въ семь вѣкѣ, но и въ будущемъ»***.)

2. Одинъ и тотъ же порокъ свойственъ самымъ различнымъ философамъ нашего времени: нео-кантіанцамъ, нео-позитивистамъ, идеалистамъ, бергсоніанцамъ, логистамъ, прагматистамъ, нео-спинозистамъ, нео-мистицистамъ. Всѣ они повторяютъ то же старое заблужденіе объ именахъ. Всѣ они, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, сознательно или безсознательно, ставятъ въ упрекъ познанію черезъ понятія то, что оно не даетъ интуиціи сверхчувственнаго единичнаго бытія, подобно *l a s o g n i t i o t e r t i i g e n e r i s* Спинозы, теософическому видѣнію Бемэ или Свѣденборга, которое Кантъ, съ такимъ сожалѣніемъ, призналъ иллюзорнымъ. Всѣ они не прощаютъ этому познанію того, что оно, подобно познанію чувственному, не открываетъ непосредственнаго доступа къ самому бытію, а лишь къ сущностямъ, какъ

*) Статья Ж. Маритэна, самаго замѣчательнаго представителя томистской католической философіи во Франціи, дана имъ редакціи «Пути» въ рукописи до ея напечатанія на французскомъ языкѣ.

*) Бытіе, XXXII, 29.

**) Denys. De Divinas Nominibus. I, 6 (leçon 3, de St. Thomas).

***) Посл. Ап. Павла (къ Ефес. I, 21).

чистымъ об'ектамъ мысли. Они совершенно не хотятъ знать цѣны абстракціи, этой имматеріальности, болѣе твердой, чѣмъ сами вещи, хотя и неосязаемой и недоступной воображенію, которую разумъ ищетъ въ сердцѣ вещей.

Гдѣ же корень этой неизлѣчимой болѣзни номинализма? Въ томъ, что имѣя вкусъ къ реальности, утратили смыслъ бытія. Бытіе, само по себѣ, оторванное отъ воплощающей его матеріи, бытіе, съ одними лишь об'ективными необходимостями, съ своими невѣсомыми законами, неосязаемымъ принужденіемъ, со всей незримой очевидностью своей, для нихъ лишь — пустое слово. Можно ли умозрительно изучать геометрію въ пространствѣ, не *видя* фигуръ въ этомъ пространствѣ? Можно ли рассуждать о метафизикѣ, не *видя* сущностей въ постигаемомъ? Безъ сомнѣнія, трудная гимнастика нужна поэту, она нужна и метафизику. Но и въ первомъ и во второмъ случаѣ ничего нельзя предпринимать, не обладая первичнымъ даромъ.

Интуиція есть для насъ пробужденіе среди сновъ, рѣзко сдѣланный шагъ, выводящій насъ изъ сна и его звѣздныхъ рѣкъ. Ибо есть у человѣка нѣсколько сновъ. Каждое утро выходитъ онъ изъ сна животнаго, изъ сна человѣческаго, когда раскрывается его интеллектъ (и изъ сна божественнаго отъ прикосновенія Бога). Рожденію метафизика или поэта сопутствуетъ нѣкая благодать природнаго порядка. Поэтъ, бросающій свое сердце, какъ стрѣлу или ракету, въ міръ вещей, видитъ, какъ бы угадывая, даже въ чувственномъ (такъ какъ его нельзя отдѣлить) — блескъ духовнаго, откуда сіяетъ ему взоръ Бога. Метафизикъ, отворачиваясь отъ чувственнаго, видитъ черезъ науку, въ умопостигаемомъ и свободномъ отъ вещей преходящихъ, тотъ же духовный свѣтъ, но выраженный въ идеѣ. Абстракція, несущая смерть одному, необходима, какъ воздухъ, другому; воображеніе, прерывность, недостоверность, гибельная для одного, являются источникомъ жизни для другого. Пронизанные и тотъ и другой лучами, падающими изъ творческой ночи, одинъ питается умопостигаемостью связанной и столь же многообразной какъ отображеніе Бога въ мірѣ, а другой умопостигаемостью разоблаченной и такой же опредѣленной, какъ и бытіе, присущее вещамъ. Оба качаются на доскѣ, то взлетая къ небу, то опускаясь къ землѣ. Зрители смѣются, глядя на эту забаву: они сидятъ на землѣ.

3. Вы, говорятъ мнѣ, напоминаете намъ толкователя черной магіи, который совѣтовалъ бы намъ летать руками. Нѣтъ, я прошу васъ летать вашими крыльями. Но у насъ есть только руки. — Руки? Но это атрофированныя крылья. Нѣчто совсѣмъ иное. Они выросли бы, если бъ вы были смѣлѣе и поняли, что нельзя опираться только на землю, что воздухъ — не пустота.

Слишкомъ вѣрно то, что вѣчная метафизика не вмѣщается въ рамки современнаго мышленія или, вѣрнѣе, это мышленіе не вмѣщается въ нее. Три столѣтія эмпироматематизма принудили ее интересоваться лишь изобрѣтеніемъ приборовъ для ловли феноменовъ — сѣти понятій, дающихъ разуму нѣкоторое превосходство въ области практической и иллюзорное постиженіе природы, ибо мысль погружается

ими не въ бытіе, но въ само чувственное. Двигаясь впередъ не путемъ присоединенія новыхъ истинъ къ истинамъ уже завоеваннымъ, а лишь путемъ замѣны устарѣвшихъ приборовъ новыми, оперируя вещами, которыхъ не понимаешь, достигая реальное лишь мало по малу, терпѣливо, одерживая побѣды лишь частичныя и всегда временныя, втайнѣ проникаясь, все болѣе и болѣе, вкусомъ къ матеріи, съ которой ведетъ хитрую игру, современное мышленіе развило въ себѣ, въ низшей области научной демиургіи, нѣкія сложныя чудесно специализированныя щупальцы и изумительный охотничій инстинктъ. Но, въ то же время, оно до нельзя ослабѣло и стало беззащитнымъ въ отношеніи къ подлиннымъ об'ектамъ интеллекта. Оно недостойно отрекается отъ нихъ и неспособно уже оцѣнить всеобщее значеніе рациональныхъ достовѣрностей иначе какъ систему хорошо оборудованныхъ зубчатыхъ колесъ. Вотъ почему ему ничего другого не остается, какъ выступить или противъ всякой метафизики — устарѣвшій позитивизмъ, или на защиту псевдо-метафизики — позитивизмъ новаго типа — или на защиту одной изъ ея поддѣлокъ, гдѣ мы находимъ эмпирической пріемъ въ самой грубой его формѣ, какъ у прагматистовъ и у плюралистовъ, или въ самой тонкой — въ бергсоновской интуиціи, или же въ самой религіозной — въ цѣлостномъ актѣ М. Блонделя и его усиліи мистически пережить всѣ вещи — захватить области чистой интеллекціи. Все это такъ: склоны современнаго интеллекта направлены противъ насъ. Но развѣ склоны не созданы лишь для того, чтобы преодолѣвать ихъ новымъ под'емомъ? Интеллектъ не измѣнилъ своей природы. Онъ приобрѣлъ лишь дурныя привычки. Привычки могутъ быть исправлены. Вторая природа? Но первая все же остается и силлогизмъ пребудетъ до тѣхъ поръ, пока живъ будетъ человекъ. Философа гораздо менѣе, чѣмъ художника, стѣсняетъ разобщеніе съ интеллектуальнымъ ритмомъ его времени. Иначе обстоитъ дѣло въ первомъ и второмъ случаѣ. Художникъ переливаетъ въ свое произведеніе творческой духъ, метафизикъ соизмѣряетъ познающій духъ съ реальностью. Артисту удается овладѣть матеріаломъ лишь тогда, когда онъ ввѣряетъ себя духу своего времени, доводя его до предѣла и, прежде всего, сосредоточивъ все свое томленіе и весь огонь свой. Но философъ долженъ, прежде всего, связать себя съ об'ектомъ и изо всѣхъ силъ держаться за него съ такимъ упорствомъ, чтобы въ матеріалѣ, который ему сопротивляется, произошелъ, наконецъ, прорывъ, опредѣляющій перегруппировку силъ и новую ориентировку.

4. Вѣрно и то, что метафизика не можетъ быть полезной для экспериментальной науки. Открытія и изобрѣтенія въ царствѣ феноменовъ? Но здѣсь ей нечѣмъ похвастаться; ея эвристическое значеніе въ этомъ отношеніи, какъ говорятъ, равно нулю. Съ этой стороны ничего ждать отъ нея нельзя. На небѣ не работаютъ такъ, какъ на землѣ. И въ этомъ ея величіе, мы это знаемъ уже въ теченіе тысячелѣтій. Она бесполезна, говорилъ старый Аристотель, она не служитъ никому и ничему, ибо она выше всякаго сервиллизма. Бесполезна, потому что *сверх-полезна*, потому что

хороша въ себѣ и для себя. Поймите же, что служи она наукѣ, помогая ей въ качествѣ матеріала, она не соотвѣтствовала бы своему назначенію, желая превзойти эту науку и не будучи выше ея.

Ложна всякая метафизика, будь то Декарта, Спинозы или Канта, если она измѣряется не тайной того, что есть, а состояніемъ позитивной науки въ тотъ или иной моментъ. Истинная метафизика можетъ такъ же, въ извѣстномъ смыслѣ, сказать о себѣ: царство мое не отъ міра сего. Ея аксіомы. ? Она завоевываетъ ихъ, несмотря на то, что этотъ міръ пытается скрыть ихъ отъ нея: о чемъ говорятъ феномены, эти обманчивыя волны голой эмпирики, какъ не о томъ, что то, что есть не существуетъ и что дѣйствіе больше причины. Ея выводы? Она созерцаетъ ихъ, восходя отъ видимаго къ невидимому, она подчиняетъ ихъ порядку разумной причинности, воплощенной въ этомъ мірѣ и, все же, его превосходящемъ и ни въ чемъ не противорѣчащемъ системѣ чувственной послѣдовательности, изучаемой экспериментальной наукой, но ей совершенно чуждой: движеніе моего пера на бумагѣ, — рука, — воображеніе и внутреннее чувство, —, воля — интеллектъ и первичный Агентъ, безъ котораго все созданное бездѣйствуетъ. Такой рядъ ни въ чемъ не противостоитъ, но и не помогаетъ опредѣленію сосудо-двигательныхъ измѣненій или ассоціацій данныхъ образовъ въ то время, какъ я пишу. Метафизика требуетъ нѣкотораго очищенія интеллекта; она предполагаетъ также нѣкоторое очищеніе воли и силу отдать себя тому, что ничему не служитъ — *безполезной Истинѣ*.

Ни въ чемъ, однако, не нуждается такъ человѣкъ, какъ въ этой *безполезности*. Не въ истинахъ, которыя служатъ намъ, нуждаемся мы, а въ истинѣ, которой бы мы служили. Ибо въ ней — питаніе разума, а мы — разумъ, въ наивысшей части нашего существа.

Безполезная метафизика устанавливаетъ порядокъ — не въ видѣ полицейскихъ предписаній а порядокъ исходящій изъ вѣчности — въ интеллектъ какъ спекулятивномъ, такъ и практическомъ. Она возвращаетъ человѣку его устойчивость и движеніе, назначеніе которыхъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы, упираясь обѣими ногами въ землю, головой устремляться къ звѣздамъ. Она открываетъ ему во всей полнотѣ бытія, подлинныя цѣнности и ихъ іерархію. Она устанавливаетъ свою этику. Она поддерживаетъ справедливый порядокъ въ мірѣ своего познанія, обеспечивая естественныя границы, гармонію и соподчиненіе различныхъ наукъ. И это гораздо необходимѣе человѣческому существу, чѣмъ самые роскошные цвѣты математики феноменовъ. Ибо какой смыслъ завоевать міръ, но потерять истинную направленность разума.

Однако, мы слишкомъ немощны и, весьма возможно, что свѣтлый миръ, даруемый здоровой метафизикой, окажется менѣе благопріятнымъ для экспериментальныхъ открытій, чѣмъ мечтательность и страстность ума, погруженнаго въ чувственное. Возможно, что науки о природѣ любятъ ловить рыбу въ мутной водѣ, но, быть можетъ,

и мы имѣемъ право считать себя уже достаточно отягченными человѣкоубійственными благодѣянiями смѣхотворнаго господства надъ матерiей.

Метафизика утверждаетъ насъ въ вѣчномъ и абсолютномъ, заставляетъ перейти отъ зрѣлища вещей къ познанiю разума — въ самомъ себѣ болѣе крѣпкаго и вѣрнаго чѣмъ всѣ математическiя достовѣрности, хотя и менѣе намъ доступнаго, — къ наукѣ о незримомъ мiрѣ божественныхъ совершенствъ, раскрывающихся въ тварныхъ отображенiяхъ.

Метафизика — не средство, а цѣль, плодъ, благо подлинное и сладостное, познанiе свободнаго человѣка, познанiе самое свободное и естественно царственное, входъ въ свободный досугъ великой спекулятивной активности, гдѣ дышитъ одинъ лишь интеллектъ, пребывающiй на вершинѣ всѣхъ причинъ

5. Однако все это пока еще лишь предчувствiе, лишь отдаленное представление о радостяхъ отчизны. Мудрость эта обрѣтена посредствомъ науки: и въ этомъ основная трудность и горечь для разума. Ибо древнее проклятiе «проклята земля» тяготѣетъ болѣе трагически надъ нашимъ разумомъ, чѣмъ надъ нашими руками. Попробуйте, но если вы не рассчитываете на особое покровительство доброй Фортуны, надъ которой не напрасно задумывались язычники, то знайте, что изслѣдованiе высшихъ умопостиженiй окажется трудомъ напраснымъ и причинитъ вамъ ужасную печаль неудавшихся истинъ. Боги ревнуютъ насъ къ метафизической мудрости — доктринальное наслѣдство, единственное благодаря которому мы можемъ ее постигнуть, не совершая ошибокъ, всегда игнорируется — человѣкъ пользуется ею лишь случайно и можетъ ли быть иначе? Какой прекрасный парадоксъ! Наука о божественныхъ вещахъ, завоеванная человѣческими средствами, обладанiе свободой, доступное лишь духамъ, сорванное «столь рабской» природой!

Метафизическая мудрость пребываетъ на высшей ступени абстракци, потому что она наиболѣе отдалена отъ чувствъ; она открываетъ доступъ къ имматериальному, къ мiру реальностей уже существующихъ или могущихъ существовать независимо отъ матерiи. Но способъ нашего восхожденiя указываетъ намъ также и на нашу ограниченность. По природной необходимости абстракци, какъ условiе всякой человѣческой науки, влечетъ за собой, вмѣстѣ съ многообразiемъ различныхъ точекъ зрѣнiя и дополненiй, суровый законъ логическаго развитiя, медлительную выработку концепцiй, всю сложность огромнаго производства крылатаго аппарата рѣчи, болѣе тяжелаго, чѣмъ воздухъ. Метафизика ищетъ чистаго созерцанiя, она хочетъ перешагнуть отъ разсужденiй къ чистой интеллекци. Она стремится къ единству простаго видѣнiя. Она приближается къ нему подобно азимптотѣ, но никогда его не достигаетъ. Кто изъ метафизиковъ, если не считать древнихъ Брамановъ, сильнѣе чѣмъ Плотинъ жаждалъ единства? Но экстазъ Плотина не является конечнымъ достиженiемъ; скорѣе это точка ниспаденiя метафизики и одной метафизики недостаточно для того, чтобы онъ произошелъ. Счастливый случай, выпавшiй на

долю Плотина четыре раза въ теченіе шести лѣтъ, которые Порфирій прожилъ съ нимъ, кажется намъ какъ бы мгновеннымъ соприкосновеніемъ съ интеллектуальнымъ свѣтомъ естественно болѣе яркимъ, чѣмъ свѣтъ природный, судорогой чело-вѣческаго разума отъ прикосновенія чистаго духа.

Вернемся, однако, къ нашей темѣ. Я сказалъ уже, что метафизика страдаетъ не только отъ недостатка свойственнаго абстракціи и дискурсіи. У нея есть болѣзнь, присущая ей самой. Она есть естественная теологія, ея об'ектъ по преимуществу есть *Причина* всѣхъ причинъ. *Принципъ* всего, что существуетъ вотъ *То*, что она хочетъ знать. И можетъ ли она не желать познать его знаніемъ совершеннымъ и законченнымъ, единственнымъ и вполнѣ удовлетворяющимъ, познать его въ самомъ себѣ, въ его сущности, въ основѣ, на которой онъ покоится? Желаніе увидить Первопричину, поскольку оно присуще чело-вѣку, будучи «условнымъ» и «несовершеннымъ», ибо оно не происходитъ въ насъ отъ естественнаго соотвѣтствія съ об'ектомъ, въ извѣстномъ, особомъ смыслѣ естественно свойственно метафизику, который не можетъ, не отрекаясь отъ себя, не испытывать его остроты.

Итакъ, метафизика позволяетъ намъ познать Бога лишь по аналогіи, въ томъ, что не свойственно Ему по существу, въ общности Его трансцендентальныхъ совершенствъ, которыя находятся одновременно — въ безконечно различныхъ способахъ проявленія — и въ Немъ и въ вещахъ. Познаніе истинное, точное, абсолютное, — наиболѣе высокая улада разума, ради которой стоитъ быть чело-вѣкомъ, но познаніе это все же отстоитъ безконечно далеко отъ видѣнія и заставляетъ насъ еще болѣе чувствовать всю безмѣрность тайны. *Какъ бы сквозь тусклое стекло.* Слишкомъ понятно, что даже наиболѣе совершенные плоды интеллектуальной жизни все же оставляютъ чело-вѣка неудовлетвореннымъ. Нужно признать за общее положеніе, что интеллектуальная жизнь недостаточна для насъ. Она нуждается въ дополненіи. Познаніе вводитъ въ нашу душу всѣ формы и всѣ блага, но лишеныя присущей имъ жизни и низведенныя на степень об'ектовъ мысли. Они пребываютъ въ насъ, прививаются намъ, но способъ ихъ бытія не полонъ. Они требуютъ дополненія, они отягчаютъ насъ желаніемъ слѣдовать за ними въ ихъ собственномъ существѣ и реальности, овладѣть ими не только въ идеѣ, но и въ реальности. И вотъ тутъ то и является любовь. Она влечетъ душу къ соединенію уже порядка реальнаго, котораго интеллектъ, самъ по себѣ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ видѣнья Бога, — не можетъ дать.

Мы обречены, если не считать нѣкоторыя нечело-вѣческіе срывы, на то, чтобы наша интеллектуальная жизнь, въ концѣ концовъ, признала свою нищету и пролила свѣтъ на природу желанія. Это — проблема Фауста. Если чело-вѣческая мудрость не устремляется ввысь въ любви къ Богу, она ниспадаетъ къ Маргаритѣ.

Мистическое обладаніе Всевышнимъ Богомъ въ вѣчной любви или физическое

обладаніе бѣднымъ тѣломъ въ переходящемъ времени — таково удѣлъъ каждого, какимъ бы волшебникомъ онъ ни былъ. Это выборъ, котораго нельзя избѣжать.

6. Здѣсь и нищета метафизики и ея величіе. Она пробуждаетъ желаніе наивысшаго единенія, полноты духовнаго обладанія въ порядкѣ реальности, а не только въ идеѣ, и не можетъ его осуществить.

Иную мудрость проповѣдуемъ мы, соблазнъ для Іудеевъ, а для Эллиновъ безуміе. Мудрость эта — даръ обожествляющей благодати, свободный взлетъ несотворенной премудрости, превышающій всякое человѣческое усиліе. Въ основѣ его лежитъ безумная любовь къ этой премудрости; она заложена въ каждомъ изъ насъ до предѣльнаго соединенія духа съ ней.

Мистическая мудрость не есть блаженство, не есть совершенное обладаніе божественной реальностью. Но это ея начало. Это входеніе уже здѣсь, на землѣ, въ непостижимый свѣтъ, вкушеніе, осязаніе, и непроходящая сладость отъ близости Бога, ибо семь даровъ пребудутъ въ видѣніи такими, какими открываетъ въ нихъ намъ, уже здѣсь, вѣра. Мы не можемъ простить ни тѣхъ, которые ее отрицаютъ, ни тѣхъ, которые ее искажаютъ, введенные въ заблужденіе непростительнымъ метафизическимъ самомнѣніемъ, ибо позлавъ божественную трансцендентность, они не хотятъ преклониться передъ ней. Метафизика, которую многіе западные люди въ Германіи и Франціи — не говоря уже о постыдной теософической поддѣлкѣ — предлагаютъ намъ подъ видомъ мудрости Востока*) — подлинный ли ликъ ея? Весьма сомнѣваюсь. Я склоненъ думать, скорѣе, что даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ, рѣчь идетъ лишь о томъ или иномъ толкованіи, принятомъ въ одной изъ тамошнихъ закрытыхъ школъ. Какъ бы то ни было, эти напыщенные доктрины являются полнымъ отрицаніемъ мудрости святыхъ. Думая достигъ наивысшаго созерцанія одной лишь метафизикой, ища совершенствованія души внѣ любви, тайна которой остается для нихъ совершенно непроницаемой — мы хорошо понимаемъ почему, — подмѣняя сверхъестественную вѣру и откровеніе Бога, воплощеннаго въ Слово — *Единородный Сынъ сый въ лонѣ Отчемъ, той исповѣда* — такъ называемой тайной доктриной, унаслѣдованной отъ какихъ то неизвѣстныхъ учителей Знанія: онъ лгутъ, потому что говорятъ человѣку, будто онъ можетъ увеличить свой ростъ и своими силами войти въ сверхчеловѣческое. Христіанинъ судить ихъ; они не могутъ судить его. Ихъ экзотическій интеллектуализмъ, созданный лишь какъ подмѣна истинной метафизики — есть призракъ обманчивый и вредный.

Претенціозная философія можетъ быть врагомъ мудрости еще и въ другомъ отношеніи: не упраздняя мудрости святыхъ передъ метафизикой, она подмѣшиваетъ ее, въ большей или меньшей степени а въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, прямо смѣшиваетъ съ метафизикой, — и этимъ совершенно искажаетъ ея природу.

*) Рѣчь идетъ здѣсь о нехристіанскомъ Востока. *Прим. ред.*

Созерцаніе святыхъ находится не въ линіи метафизики, а въ линіи религіи. Эта наивысшая мудрость въ поискахъ совершеннаго знанія, не зависитъ отъ усилій интеллекта, а отъ цѣлостнаго отданія себя ради осуществленія высшей правды въ конечной цѣли ея. Это наивысшее знаніе предполагаетъ отказъ отъ знанія.

Не для познанія созерцаютъ святые, но для любви. И любятъ они не ради того, чтобъ любить, а ради любви къ Тому, Котораго любятъ. Они стремятся къ соединенію съ Богомъ, котораго требуетъ любовь, ради превыше всего любимаго Бога и любятъ себя только ради Него. Ихъ конечная цѣль не въ томъ, чтобы усладить свой интеллектъ и свою природу — это значило бы остановиться на себѣ — цѣль ихъ — творить волю Другого, содѣйствовать благу Благого. Они не ищутъ душу свою. Они губятъ ее, они уже ея не имѣютъ. Если, проникая въ тайну божественнаго сыновства и какъ бы въ *чемъ-то* обоживаясь, личность ихъ дѣлается трансцендентной, независимой и свободной, какъ ничто въ мірѣ, то лишь потому, что они все забываютъ и живутъ уже не они, а живетъ въ нихъ Любимый.

Антиноміи, открываемыя «новыми мистиками» въ традиціонномъ мистицизмѣ — потому что они имѣютъ о немъ представленіе ложное, испорченное основными современными предразсудками о духовной жизни — я охотно признаю въ нихъ удачную характеристику философской псевдо-мистики (*Новый мистицизмъ* самъ съ трудомъ избѣжить ея). Но они теряютъ всякое значеніе въ примѣненіи къ подлинной мистической жизни. Здѣсь нѣтъ мѣста ни «творческой волѣ», ищущей непосредственной экзальтаціи въ чистой авантюрѣ или безконечномъ восхожденіи, ни «магической воли», ищущей своей собственной экзальтаціи въ власти надъ міромъ и конечномъ обладаніи. Здѣсь только любовь. (Пусть наши философы не забываютъ, что любовь, одна лишь любовь дѣлаетъ все). Это она пользуется знаніемъ, которое черпаетъ подъ воздѣйствіемъ Духа Божьяго, какъ сладостный даръ — чтобъ съ еще большей полнотой соединиться съ Любимымъ. Здѣсь душа не ищетъ ни экзальтаціи, ни униженія: она ищетъ соединенія съ тѣмъ, Кто Первый полюбилъ ее. Потому что здѣсь — Богъ не только имя, но и реальность, здѣсь Сама Реальность и даже Сверх-Реальность, изначальная, бывшая до насъ, безъ насъ, непостижимая ни человѣчески, ни ангельски, но божественно и поэтому насъ обожествляющая, Сверх-Духъ, постиженіе коего не только не ограничиваетъ конечный духъ нашъ, но дѣлаетъ его безграничнымъ, Ты — Богъ живой, Нашъ Творецъ.

Источникъ созерцанія святыхъ не въ духѣ человѣческомъ. Источникъ этотъ — благодать, дарованная свыше. Это совершенный плодъ нашъ, всѣхъ рожденныхъ отъ Воды и Духа. Явленіе, по существу своему, сверхестественное, истекающее конечно, изъ нашей субстанціональной глубины и активности нашихъ природныхъ данныхъ, но, поскольку данные эти наши, они пассивны передъ всемогуществомъ Бога, они ниспосланы Имъ. Дары, которые Онъ запечатлѣваетъ на нихъ, возвышаютъ ихъ, но возвышеніе это не можетъ быть достигнуто одними лишь природными силами.

Явленіе это въ наивысшей степени личное, свободное и дѣйственное, жизнь, текущая въ вѣчность, но являющаяся для насъ какъ бы бездѣйствіемъ и смертью, потому что сама она сверхъприродна не только объективно, но и по способу воздѣйствія на насъ. Она проистекаетъ изъ нашего духа подъ воздѣйствіемъ одного лишь Бога и возноситъ его *дѣйствующей благодатью*, въ которой вся инициатива принадлежитъ Богу. И, такъ какъ вѣра есть корень и основа всякой сверхъестественной жизни, то явленіе это непостижимо безъ вѣры. «Помимо вѣры нѣтъ способа наиболѣе близкаго и соотвѣтствующаго созерцанію»*)

Наконецъ, святые созерцаютъ не только *ради* божественной любви, но и *посредствомъ* ея. Созерцаніе это предполагаетъ не только теологическую добродѣтель любви и свыше ниспосылаемые дары Разума и Мудрости, внѣ любви въ душѣ не существующія. Богъ, котораго познаютъ вѣрой во тѣмѣ и какъ бы на разстояніи, — ибо для интеллекта всегда есть разстояніе, если нѣтъ видѣнія — Онъ же познается любовью непосредственно, въ Немъ самомъ, соединяя насъ въ сердцѣ нашемъ съ тѣмъ, что сокрыто въ вѣрѣ. Божественные предметы, внѣдренные въ насъ любовью, Бога, сдѣлавшагося нашимъ посредствомъ любви, мистическая мудрость, подъ активнымъ воздѣйствіемъ Духа Святого, испытываетъ въ любви и черезъ любовь какъ отдающихся намъ въ насъ и знаетъ аффективно «черезъ непостижимое единеніе»**) погружаясь въ ночь, превосходящую всякое раздѣльное познаніе, всякій образъ и всякую идею, какъ бы переводя въ безконечное все, что твари когда бы то ни было могли помыслить. «Воистину Ты-Богъ и Спаситель Израиля, Богъ сокрытый». Она познаетъ Бога, какъ Бога сокрытаго, Бога спасающаго и спасающаго тѣмъ болѣе, чѣмъ больше Онъ сокрытъ; познаетъ тайную мудрость, очищающую душу. Оставаясь подъ контролемъ теологіи, завися отъ ея условій и основъ въ земныхъ предѣлахъ, отъ многочисленныхъ понятій и знаковъ, въ которыхъ божественная Истина обнаруживаетъ себя нашему интеллекту, можетъ-ли она не превзойти всѣ наши раздѣльные понятія и всѣ выразимые знаки, чтобъ слиться, въ опытѣ любви, съ самой реальностью, этимъ первичнымъ объектомъ вѣры? Здѣсь мы являемся антиподами Плотина. Вопросъ не въ томъ, чтобы интеллектуально превзойти все постигаемое, чтобъ взойти посредствомъ метафизики и ея разумно построенной діалектической лѣстницы до уничтоженія — еще природнаго — природной интеллекціи въ сверхъ-интеллигибельномъ или пережить ангельскій экстазъ. Вопросъ въ томъ, чтобы въ любви возвыситься надъ всѣмъ тварнымъ, чтобы подъ божественнымъ воздѣйствіемъ, отрекшись отъ себя и всего въ мірѣ, вознестись любовью, въ пресвѣтлую ночь вѣры, до наивысшаго сверхъестественнаго познанія всего безгранично сверхъестественнаго и тамъ любовью преобразиться въ Богъ. Ибо «только для этой любви мы и были созданы»***). Нѣтъ,

*) St. Jean de la Croix. Montée du Carmel, II, VIII.

**) Denys, Noms divins, VII, 3.

***) St. Jean de la Croix, Cantique spirituel, str. 29.

метафизика не можетъ быть дверью для мистическаго созерцанія. Дверь эта — чело-
вѣчность Христа, который даруетъ намъ благодать и истину. «Я дверь, сказалъ
Онъ, кто войдетъ Мною, тотъ спасется, и войдетъ, и выйдетъ, и пажить найдетъ».

Войдя черезъ Него душа поднимается и проникаетъ въ ночное и голое созерца-
нiе чистой божественности и оттуда снова опускается къ созерцанію святой чело-
вѣчности. И здѣсь и тамъ она находитъ пищу и насыщается Богомъ своимъ.*)

7) Въ каждомъ символѣ, понятіи или имени нужно различать двѣ вещи, объектъ,
котрый они познаютъ и способъ, какимъ познаютъ. Во всѣхъ символахъ, которыми
нашъ интеллектъ пользуется для познанія Бога, *способъ*, какимъ Его символизируютъ
недостаточекъ и недостойнъ Бога, такъ какъ онъ соотвѣтствуетъ не Богу, а тому,
что не есть Богъ, подобно тому, какъ совершенства, пребывающія въ вещахъ въ чи-
стомъ видѣ своемъ предсуществуютъ въ Богѣ. И такъ же какъ всѣ тварныя вещи лишь
несовершенно отражаютъ Бога ихъ создавшаго, такимъ же несовершеннымъ обра-
зомъ и наши идеи, познающія прежде всего и непосредственно все сотворенное,
даютъ познаніе Бога. Совершенство ими выражаемое, которое можетъ — если оно
порядка трансцендентнаго — существовать въ состояніи и тварномъ и нетварномъ,
имъ свойственно обозначать въ состояніи тварномъ, ограниченномъ и несовершенномъ.
Также и всѣ имена, которыми мы называемъ Бога, обозначая одну и ту же реальность,
невыразимо единую и прѣстую не являются-ли однако лишь синонимами, такъ какъ
они обозначаютъ ее тѣмъ способомъ какимъ соединены и раздѣлены въ тваряхъ
совершенства, предсуществующія въ Богѣ въ состояніи наивысшей простоты. Богъ
есть непреходящее Добро, непреходящая Истина, непреходящее Бытіе, но идея
Добра, Истины, Бытія даже въ чистомъ состояніи своемъ не была бы Богомъ. Отсюда
слѣдуетъ, что имена и понятія, соотвѣтствующія Богу, сохраняютъ, переходя на
Него, всю свою умопостигаемую цѣнность и все свое значеніе: обозначаемое пребы-
ваетъ *цѣлостнымъ* въ Богѣ со всѣмъ, что оно создаетъ для интеллекта («формально»
говорятъ философы). Когда мы говоримъ, что Богъ добръ, мы этимъ существенно
обозначаемъ божественную природу и знаемъ, что въ ней есть все, что необходимо
предполагаетъ ея добро. Но въ этомъ совершенствѣ, въ чистомъ актѣ его — который
и есть самъ Богъ — заключено уже безконечно *большее*, чѣмъ это обозначено въ
понятіи о немъ и имени его. Оно существуетъ въ Богѣ (въ «наивысшей полнотѣ»,
говорятъ философы) способомъ безконечно превосходящемъ наше пониманіе. Зная,
что Богъ добръ, мы еще не знаемъ, что такое божественное Добро, ибо Онъ добръ,
какъ никто другой, истиненъ какъ никто другой, *Онъ есть*, какъ ничто изъ всего
что мы знаемъ.

Итакъ, говоритъ св. Тома, имя Мудрецъ, когда оно сказано о чело-вѣкѣ, *описы-*

*) St. Thomas d'Aquin, Quodlib. VIII, a, 20; Josephusa Spiritu Sancto, Cursus theo-
logiae, mystico scholasticae. Disp. prima proemialis, q. 2 § 1 (edit. 1924, Beyaert, Brugest
p. 117.

ваетъ и выражаетъ, до нѣкоторой степени, обозначаемый предметъ, но не тогда, когда оно сказано о Богѣ; въ этомъ случаѣ оно оставляетъ предметъ невмѣстимымъ, неописуемымъ и превосходящимъ «значеніе имени»*).

Всякое познаніе Бога посредствомъ идей или понятій, идей пріобрѣтенныхъ метафизикой и спекулятивной теологіей или внушенныхъ какъ бы въ пророчествѣ, — всякое чисто интеллектуальное познаніе Бога, внѣ блаженнаго Видѣнія, если бы оно даже было абсолютно вѣрно, абсолютно достовѣрно и являло бы собой подлинное и наиболѣе желанное знаніе, благодаря способу воспріятія и обозначенія его, все же осталось бы безнадежно неполнымъ и безконечно несоотвѣтствующимъ познаваемому и обозначаемому объекту.

Очевидно, если намъ можетъ быть дано познаніе Бога, хотя бы еще и не *sicuti est*, не въ Его сущности, не въ видѣніи, а лишь въ трансцендентности Его божественности, пользуясь способомъ познанія, соотвѣтствующимъ познаваемому объекту, то и такое познаніе не можетъ быть достигнуто путемъ чисто интеллектуальнымъ. Превзойти всякій способъ познанія, оставаясь въ линіи интеллекта, т. е. понятія, было бы противорѣчіемъ въ терминахъ. Нужно пройти черезъ любовь. Одна лишь любовь, я говорю любовь сверхъестественная, можетъ совершить этотъ переходъ. Земной разумъ можетъ превзойти всѣ обычные пути лишь отрѣшившись отъ познанія. Тогда Духъ Божій, пользуясь сродствомъ любви и воздѣйствіями, произведенными божественнымъ единеніемъ на нашу аффективность, дастъ душѣ въ опытѣ любви познать то, что недоступно и недостижимо никакому познанію.

«Тогда, освобожденная отъ міра чувственнаго и міра интеллектуальнаго, душа вступаетъ въ таинственную тѣму святаго невѣденія и, отрѣшившись отъ всякихъ научныхъ данныхъ, она теряетъ себя въ Томъ, Кто не можетъ быть ни видимъ, ни осязаемъ. Всецѣло отдавшись этому объекту, не принадлежа уже ни себѣ, ни другимъ, соединенная съ невѣдомымъ самой благородной частью своего я, въ силу отказа отъ познанія, она черпаетъ, наконецъ, въ этомъ абсолютномъ незнаніи то познаніе, которое не можетъ быть завоевано никакимъ постиженіемъ».**)

8). Повидимому, характеръ переживаемыхъ нами временъ стоитъ подъ знакомъ раздѣленія тѣла и духа или прогрессирующаго распада человѣческаго образа. Слишкомъ очевидно, что переходъ человѣчества подъ власть Денегъ и Науки (я имѣю ввиду математическое использование природы) указываетъ на возрастающую материализацію интеллекта и міра. Съ другой стороны, и какъ бы въ компенсацію этого явленія, духъ, въ которомъ наша дискурсивная и социальная активность нуждается все меньше и меньше и съ котораго, благодаря этому снимается необходимость обслуживания многихъ органическихъ функций человѣческой жизни — духъ этотъ какъ

*) St. Thomas. Sum. Theol. I, 13, 5.

***) Denys. Theologie Mystique, Ch. I, 3.

бы освобождается или можетъ частично освободиться. «Фотографія освободила живопись». Эти слова Жана Кокто могутъ быть примѣнены ко всѣмъ областямъ. Печатаніе освободило пластическія искусства отъ педагогическихъ функций, выпавшихъ на ихъ долю въ эпоху строительства соборовъ. Опытныя науки освободили метафизику отъ заботы объяснять предметы чувственной природы и отъ многихъ иллюзій, явившихся послѣдствіями греческаго оптимизма. Земля не нуждается болѣе въ Ангелѣ, который бы ее вращалъ, она находитъ возможность двигаться безъ его помощи. Духъ возносится къ небу.

Но человѣкъ есть и тѣло и духъ, связанные между собой не ниткой, а единствомъ субстанціи. И если человѣческія вещи перестанутъ быть измѣряемыми человѣческимъ составомъ — одни въ соотвѣтствіи съ энергіями матеріи, другіе по требованіямъ развоплощенной духовности, то это будетъ для человѣка ужасающимъ метафизическимъ раздробленіемъ на части.

Можно думать, что образъ міра прейдетъ въ день, когда этотъ разрывъ достигнетъ предѣла и сердце наше не выдержитъ.

Что касается вещей духовныхъ, то ихъ «освобожденіе» рискуетъ остаться иллюзорнымъ, — что тяжелѣе рабства. Узы, налагаемыя ихъ служеніемъ людемъ, были для нихъ легкими. Онѣ, хотя и стѣсняли, но придавали имъ ихъ естественный вѣсъ. Ангелизація искусства и знанія? Вся эта возможная чистота не будетъ-ли утрачена въ этомъ грубомъ безумствѣ? Она обрѣтетъ себя и будетъ сама собой лишь въ оградѣ Духа. Тамъ гдѣ будетъ трупъ, тамъ соберутся орлы. Въ то время, какъ міръ опускался, Церковь Христова возносилась какъ бы сквозь него, мало по малу освобождаясь и освобожденная отъ заботъ о городахъ ее изгоняющихъ и отъ земныхъ попеченій, которыя по праву выполняла. И, когда она, нищая и лишенная всего, бѣжитъ въ пустыню, она увлечетъ за собой все, что останется еще въ мірѣ не только отъ вѣры, любви и истиннаго созерцанія, но и отъ философіи, поэзіи и добродѣтели. И это будетъ болѣе прекраснымъ, чѣмъ когда либо.

9). Огромный интересъ современнаго кризиса заключается въ томъ, что будучи болѣе универсальнымъ, чѣмъ какой либо иной, кризисъ этотъ вынуждаетъ насъ сдѣлать окончательное избраніе. Мы достигли, наконецъ, линіи водораздѣла. Благодаря измѣнѣ Запада, злоупотребившаго божественной благодатью и растратившаго дары, которые онъ долженъ былъ воздѣлывать для Бога, произошло то, что, выпавъ изъ порядка любви, порядокъ разума всюду исказился и болѣе ни на что не годенъ. Зло рационализма породило раздоръ между природой и *формой разума*. Стнынѣ стало очень трудно удержаться на одномъ человѣческомъ. Нужно дѣлать ставку или выше разума и за него или ниже его и противъ него. Но однѣ лишь теологическія добродѣтели и сверхестественныя дары превосходятъ разумъ. Духъ? Но какой духъ вызываете вы? Если это не Духъ Святой, то, съ такимъ же успѣхомъ можно было бы призывать духъ дерева или духъ вина (*esprit de vin* — непереводаемая игра словъ.

пер.) Все, такъ называемое духовное или сверхъ разумное внѣ любви служить, въ концѣ концовъ, лишь животности. Вражда противъ разума будетъ всегда возстаніемъ рода противъ специфическаго различенія. Мечта противоположна созерцанію. Если чистота заключается въ полномъ разнузданіи жизни, согласно чувствамъ и ихъ механизму, то чистоту эту мы найдемъ скорѣе у животнаго, чѣмъ у святого.

Міръ, тотъ міръ, о которомъ Христось не молился — его выборъ уже давно сдѣланъ. Освободиться отъ *forma rationis*, убѣжать какъ можно дальше отъ Бога въ невозможное метафизическое самоубійство, — жестокій и спасительный порядокъ, установленный вѣчнымъ закономъ, — таково желаніе, отъ котораго трепещетъ плоть ветхаго человѣка. Этого желалъ и Древній изъ древнихъ, низвергаясь, подобно молніи, съ высоты небесъ. Чтобы выразить его въ абсолютномъ, въ полнотѣ, доступной существу, которое почти никогда не знаетъ, что дѣлаетъ — нуженъ нѣкотораго рода героизмъ. (Дьяволъ имѣетъ своихъ мучениковъ). Свидѣтельство безъ обѣщанія, воздаваемое тому, что болѣе, чѣмъ умерло...

Что касается огромной массы человѣческой, то судя по обыкновеннымъ условіямъ человѣческой природы, можно легко повѣрить, что она будетъ катиться по той же наклонной плоскости, безъ воли и мужества, умерщвленная своимъ идеаломъ. Движеніе по наклонной плоскости такъ легко!

Но все же ошибочно судить лишь согласно природѣ. Нельзя забывать о благодати, которая готовитъ свои неожиданности. Въ то время какъ старый міръ продолжаетъ свое ниспаденіе, уже зарождается воистину новое, — таинственное и непобѣдимое движеніе божественнаго сока въ мистическомъ Тѣлѣ, нетлѣнномъ и не старѣющемъ, благословенное пробужденіе души подъ покровомъ Дѣвы и Духа. О, Премудрость, охватывающая силой своей концы земные и объединяющая противоположности! О, обѣтованіе, украшающее собой это несчастное время и вливающее въ насъ радость! Пусть народы, принявшіе крещеніе и не оставшіеся вѣрными своему призванію отдѣляются отъ Церкви, пусть всюду поносятъ имя Христово, давая вмѣсто христіанской цивилизаціи лишь трупъ ея, но тѣ, которые чувствуютъ, что все потеряно и ждутъ неожиданнаго — я никогда не буду презирать ни ихъ отчаянія, ни ихъ ожиданія. Чего же они ждутъ? — вотъ что важно знать: Антихриста или Второго пришествія Христа? Мы, мы ждемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Мы знаемъ, чего ждемъ и знаемъ, что то, чего мы ждемъ превосходитъ всякое постиженіе. Есть разница между тѣмъ, когда не знаютъ, на что надѣяться, и когда знаютъ, что то, на что надѣются — непостижимо.

ЖАКЪ МАРИТЭНЪ.